

Научная статья
УДК 101.3:316.64

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-89>

УНИВЕРСАЛИЗМ И ПАРТИКУЛЯРИЗМ: ФИЛОСОФСКИЕ ДИСКУССИИ ОБ ИЗУЧЕНИИ КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИХ УБЕЖДЕНИЙ

А. В. Думов

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия
e-mail: avdumov@inbox.ru

В. И. Кудашов

Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого, Красноярск, Россия
e-mail: vkudashov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению актуально осуществляющихся философских дискуссий о сущности и специфических чертах конспирологического убеждения, цель которых состоит в формулировании его релевантных определений. Стороны обсуждения группируются вокруг двух условно выделяемых позиций, обозначаемых терминами «универсализм» («генерализм») и «партикуляризм» («минимализм»). Цель статьи – раскрыть содержание основных направлений философского обсуждения вопроса о предпочтительном пути теоретизации конспирологических убеждений. Специфика целевой установки представленного в статье исследования определяет и ключевой метод его осуществления: им является сравнительный анализ. Партикуляризм и универсализм соотносятся с точки зрения взглядов их представителей на генезис содержания конспирологических убеждений, характерных механизмов обоснования таковых убеждений, ряда социально-эпистемологических проблем, возникающих в связи с исследованием конспирологических убеждений. На основе осуществленного компаративного анализа делаются выводы об адекватности самого разграничения теоретических позиций в обсуждении конспирологии с помощью дихотомии «универсализм – партикуляризм». Новизна представленных выводов заключается не только в освещении содержания философских дискуссий вокруг вопросов теоретизации конспирологических убеждений, но и в критическом анализе представлений об оппозиции партикуляризма и универсализма. Практическое значение проведенного исследования заключается в выявлении ограничений концептуального аппарата, используемого для обсуждения философской рефлексии конспирологических убеждений.

Ключевые слова: конспирологическое убеждение, партикуляризм, универсализм, социальная эпистемология, определение конспирологической теории, заговор, детерминанты конспирологического мышления.

Для цитирования: Думов А. В., Кудашов В. И. Универсализм и партикуляризм: философские дискуссии об изучении конспирологических убеждений // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2024. – № 3. – С. 89–97. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-89>.

Original article

UNIVERSALISM AND PARTICULARISM: PHILOSOPHICAL DISCUSSIONS ABOUT RESEARCHING OF CONSPIRACY BELIEFS

A. V. Dumov

State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia
e-mail: avdumov@inbox.ru

V. I. Kudashov

Prof. V.F. Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Krasnoyarsk, Russia
e-mail: vkudashov@mail.ru

Abstract. In this article, the authors review current philosophical discussions about the essence and specific features

of conspiracy beliefs, the purpose of which is to formulate its relevant definitions. The parties to the discussion are grouped around two conventionally distinguished positions, designated by the terms «universalism» («generalism») and «particularism» («minimalism»). The purpose of the article is to reveal the content of the philosophical discussion of the question about preferable way to theorize conspiracy beliefs. The purpose of the study determines the choice of comparative analysis as a key method. Particularism and universalism are compared by the authors from the point of view of the views of their representatives on the genesis of the content of conspiracy beliefs, the characteristic mechanisms for justifying such beliefs, and a number of socio-epistemological problems that arise in connection with the study of conspiracy beliefs. Based on the comparative analysis carried out, the authors draw conclusions about the adequacy of the very distinction between theoretical positions in the discussion of conspiracy theories using the dichotomy «universalism – particularism». The novelty of the presented conclusions lies not only in highlighting the content of philosophical discussions around the issues of theorization of conspiracy beliefs, but also in the critical analysis of ideas about the opposition of particularism and universalism. The practical significance of the study is to identify the limitations of the conceptual apparatus used to discuss the philosophical reflection of conspiracy beliefs.

Key words: *conspiracy belief, particularism, universalism, social epistemology, definition of conspiracy theory, conspiracy, determining factors of conspiracy thinking.*

Cite as: Dumov, A. V., Kudashov, V. I. (2024) [Universalism and particularism: philosophical discussions about researching of conspiracy beliefs]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp, 89–97. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-89>.

Введение

Термины «конспирология», «конспирологическая теория», «конспирологическое мышление» часто употребляются в контексте как специализированного, так и обыденного обсуждения определенных взглядов на события и процессы социальной реальности. В качестве ключевой черты подобных взглядов, вероятнее всего, стоит рассматривать даже не саму убежденность в существовании заговора, тайного соглашения как действительной причины реализации определенных социальных событий, а набор установок эпистемического поведения, к которым могут быть отнесены убежденность в сокрытости действительных причин этих событий, в содержательной ограниченности их официальных и вообще распространенных объяснений, стремление к поиску альтернативных сведений и объяснительных моделей, реже – к осуществлению собственного исследования. Также в качестве общей черты конспирологических убеждений стоит выделить склонность к объяснению социальных явлений в терминах действия определенных сил, каковыми чаще всего являются обладающие влиянием и ресурсом власти группы лиц, характеризующиеся деятельной заинтересованностью в достижении некоего положения дел. В большинстве случаев характеристика некоего убеждения как конспирологического носит негативный характер: она ассоциируется с «альтернативностью», «неофициальностью», «необоснованностью» его содержания и даже с определенного рода когнитивной дисфункциональностью носителей подобных убеждений.

Нарастающая неопределенность настоящего положения дел и сложность прогнозирования будущих событий, явления социальной дестабилизации и разно-

родные кризисы приводят к активизации распространения конспирологических убеждений: в социологической [1] и психологической [17] литературе представлено множество доказательных исследований существования такой взаимосвязи. Рост популярности конспирологических идей и воззрений вызывает и возрастание исследовательской активности, направленной на всестороннее изучение таковых. Исследовательский интерес к конспирологическим теориям во многом обусловлен и наличием социального заказа на осуществление подобных исследований в силу существования обоснованных позиций о негативных последствиях распространения конспирологических убеждений для личности и общества (в частности, в ряде ситуаций возникает возможность говорить о связи конспирологических убеждений с социальным радикализмом, политическим и религиозным экстремизмом [16], но в настоящем рассмотрении мы не имеем возможности осветить вопрос о том, какие социальные и личностные риски несет с собой распространение конспирологических убеждений).

Интенсификация исследований конспирологии социальными и психологическими дисциплинами приводит к возникновению ряда философских проблем, связанных с теоретизацией различных явлений, относимых к ней, с выработкой концептуального аппарата для обсуждения конспирологических убеждений и аспектов социального поведения их носителей, наконец, с определением границ самого предмета обсуждения. В обсуждении вопроса о том, каковы специфические характеристики конспирологических убеждений и их систем выделяется две философских позиции – универсализм (генерализм) и партикуляризм (минимализм) [7, р. 2–3]. Сущность первой заключается

в том, что системы конспирологических убеждений рассматриваются в качестве необоснованных, некорректных объяснений. Для второй позиции характерно внимание к каждому конкретному случаю возникновения и развития неких тематически объединенных конспирологических убеждений. Если универсалист полагает, что данные убеждения следует обсуждать как примеры дисфункции рациональности, то для партикуляриста такой способ видения представляется опрометчивым: он полагает, что для того, чтобы сделать вывод об иррациональности эпистемического поведения сторонника конспирологического взгляда, необходимо обратиться к генезису и условиям возникновения этого взгляда.

Прежде чем обратиться к рассмотрению содержания дискуссий между представителями универсализма и партикуляризма и более детальному анализу данных позиций, следует обратить внимание на существующую проблему терминологической неоднородности контекстов научного и философского обсуждения конспирологии. Мы предполагаем, что эта неоднородность находится во взаимосвязи с теоретическими разногласиями относительно способов понимания и исследования предмета обсуждения.

Терминологическая неоднородность обсуждения конспирологии

При ознакомлении с содержанием исследований, посвященных конспирологии, легко можно обратить внимание на то, что термины, используемые для выделения ключевого предмета обсуждения, нередко могут варьироваться. Чаще всего речь идет о «конспирологических теориях», «конспирологическом мышлении» и «конспирологических убеждениях». Употребление данных терминов редко сопровождается теоретическими пояснениями, призванными раскрыть положение обсуждаемого предмета в картине мира отдельных социальных наук или философии, их содержание полагается очевидным. Однако осуществление такого рода предварительного прояснения представляется необходимым, поскольку в его отсутствии многие теоретические и мировоззренческие установки исследования оказываются непроявленными. Более того, отсутствие рефлексии практики использования терминологических единиц зачастую может приводить к их некорректному применению, а неосмысленность содержания привлекаемых концептуальных единиц может приводить к появлению ошибок и неточностей.

Наиболее неоднозначным (и не вполне удачным) из применяемых в контексте обсуждения конспирологии терминов является термин «*конспирологическая теория*» («*теория заговора*»). Очевидно, что термин

«теория» может применяться к системам положений, выражающих конспирологические убеждения, только по аналогии. Продуктивность этой аналогии ограничивается только тем, что подобные системы положений, как и научные теории, имеют объяснительную функцию (для того, чтобы реализовать ее, теория, по выражению Р. Харре [12, с. 24], должна описывать пути возникновения явлений, выявлять механизмы их природы) и претендуют на фиксацию ключевых закономерностей рассматриваемого явления [4, с. 5]. Конспирологические теории не отвечают требованиям, предъявляемым к оценке теории: нередко они даже могут не иметь действительных эмпирических подтверждений, а их логическая структура может быть существенно проблематичной и содержать в себе разного рода ошибки (что обуславливает и синтаксическое несоответствие таких теорий уровню научных). Более того, конспирологическим теориям не свойственны характерные для научных теорий явления пересмотра: как правило, «пересмотр» конспирологической теории представляет собой адаптацию ее положений (зачастую неоднородных с точки зрения их генезиса) к изменившемуся набору данных о событии или явлении.

Перечень формальных и содержательных отличий конспирологических теорий от научных может быть продолжен, однако в этом нет необходимости: достаточно очевидным представляется то обстоятельство, что присвоение этим системам положений характеристики теории только на том основании, что они реализуют объяснительную функцию, является опрометчивым. Демонстрация несоответствия систем конспирологических убеждений содержательным и формальным требованиям, предъявляемым к научной теории, имеет значение для понимания природы их альтернативности общепринятым, консенсуальным и официальным представлениям: истоки этой альтернативности стоит искать в контексте социальных и политических детерминант развития конспирологических теорий, а не в контексте их эпистемических характеристик (которые скорее ставят конспирологическую теорию в заведомо проигрышное положение).

В то же время, термин «теория» может использоваться применительно к ним в более общем смысле системы взглядов относительно фрагмента реальности. В этом случае он может быть заменен терминами «комплекс представлений / убеждений» или «система положений» без каких-либо смысловых потерь. Это ярко демонстрируется одним из наиболее ранних примеров обсуждения таких систем положений, представленном в работе К. Поппера «Открытое общество и его враги». Описывая «заговорщицкую теорию общества» [2, с. 113], автор отмечает, что она представ-

ляет собой не более, чем содержательно трансформированную систему религиозно-мифологических представлений о возникновении и существовании общественного порядка. Наличие примеров ситуаций раскрытия отдельных социально значимых заговоров никоим образом не отменяет эпистемической дефективности образований, называемых конспирологическими теориями: вопрос о существовании заговоров (их эпизодическое возникновение не оспаривается) следует отличать, во-первых, от вопроса о полноценности объяснения и теоретизации социальных событий и явлений различного масштаба на основе таких заговоров и, во-вторых, от вопроса о логических, методологических и фактологических дефектах, полученных таким путем объяснений.

Небезынтересным в связи с обсуждением термина «конспирологическая теория» является практика его использования, развитая в тематическом исследовании Дж. Дуэйт. Вопрос о теоретическом статусе таких систем положений фактически сводится к вопросу об их оценке индивидами и группами на предмет соответствия принятым ими эпистемическим стандартам [9, с. 441–443]. Если для одной группы лиц некая система положений (например, об искусственном происхождении и/или преднамеренном инициировании распространения SARS-CoV-2) будет представлять собой полноценную теорию, то для другой она может оказаться не более, чем набором догадок, слабо связанных с имеющимися данными. Нельзя не согласиться с утверждениями Дуэйт о том, что оценка статуса этих систем положений находится в зависимости от социально детерминированных эпистемических стратегий осуществляющих ее групп и индивидов [9, с. 444–447]. Они имеют практическую социальную значимость для работы с носителями конспирологических убеждений, т. к. подчеркивают неполноценность мер информирования и аргументативных шагов, не учитывающих особенности эпистемического поведения сторонников конспирологических представлений и причины их возникновения. Но вопрос о теоретическом статусе, логических и эпистемологических характеристиках самих по себе систем положений, называемых конспирологическими теориями, не может подменяться вопросом об их оценке различными социальными агентами.

Еще один распространенный термин – «конспирологическое мышление» – используется таким образом, как будто бы его содержание представляется очевидным. Между тем, для того, чтобы понять, что имеется ввиду под конспирологическим мышлением, необходимо предварительно обратиться к пониманию мышления как такового. Например, в определении, данном кибернетиком и психологом

Ф. Джорджем в работе «Модели мышления», фиксируется, что мышление представляет собой совокупность процессов символизации событий действительности и последующего манипулирования символами посредством логических и внелогических механизмов обработки [10, с. 29]. Ясно, что мышление включает в себя множество различных психических процессов: для структуры мышления, по выражению Д. А. Поспелова и В. Н. Пушкина, характерны многоуровневость, многокомпонентность и высокая степень сложности [3, с. 11]. В рамках мышления как такового исследователями выделяются различные аспекты, связанные с конкретными формами обработки данных или решением отдельных задач познания и принятия решений.

Учитывая содержание понятия мышления и характеристики мышления как объекта исследования психологии, эпистемологии и когнитивных наук, достаточно странными представляются те содержательные искажения, которые можно наблюдать в определениях конспирологического мышления. Так, А. Д. Казун и В. Н. Поршневы говорят о конспирологическом мышлении как об определенном роде объяснительной склонности, выражающейся в отсылках к скрытой, секретной информации, доступ к которой ограничивается влиятельными группами [1, с. 551]. Очевидно, что использовать термин «мышление» для обозначения некой склонности, реализуемой отдельными агентами в когнитивных процессах, не представляется оправданным. Несмотря на то, что определение приводится со ссылкой на работу Р. Имхоффа и М. Брудера, нам не удалось обнаружить в ней подобного определения: указанная формулировка используется авторами только по отношению к конспирологической теории, тогда как само понятие конспирологического мышления приводится ими без предварительного определения [14, с. 25].

Между тем, Имхофф и Брудер приводят ряд характеристик конспирологического мышления, которые целесообразно рассмотреть. Так, они указывают (со ссылкой на предшествующие исследования), что причиной возникновения такого мышления может являться страх смерти [14, с. 35]. В качестве предиктора конспирологического мышления рассматривается и тенденция к выявлению деятельности неких агентов (разного рода сил) в качестве причин событий, иными словами – подозрительность, сочетающаяся с идеями влияния и вмешательства в ход событий [14, с. 35]. Авторами делаются некоторые замечания относительно функционального значения конспирологического мышления: его значимое когнитивное проявление заключается в том, что оно может способствовать формированию правдоподобных объяснений собы-

тий, тогда как социально-практическим результатом действия данного мышления может стать преодоление негативной социальной идентичности [14, р. 39]. Исходя из вводимых и рассматриваемых Имхоффом и Брудером положений, можно заключить, что под конспирологическим мышлением ими подразумевается совокупность мыслительных операций, эвристики, когнитивных установок, которые применяются в связи с убежденностью в том, что определенные конспирологические «сюжеты» действительно реализуются в социальной реальности.

Вполне разумно предположить, что в ходе решения многих задач построения и аргументации конспирологического мировоззрения будут задействованы идентичные операции мышления, равно как и о том, что большинству конспирологов будут присущи схожие когнитивные ошибки (например, предвзятость подтверждения). Но даже в случае, если мы принимаем такие предположения, мы не получаем возможности говорить о специфически конспирологическом мышлении, поскольку закономерности процессов мышления конспиролога и человека, не отдающего предпочтения подобным убеждениям, не будут различаться. Более того, как правило, действие того, что называется конспирологическим мышлением, является контекстуальным, т. е. соотносено с решением конкретных задач и рассмотрением конкретных ситуаций. В повседневной жизни и множестве иных вопросов конспиролог может не демонстрировать никаких отличий от человека, чуждого подобных убеждений.

Собственно конспирологический характер будут иметь убеждения агентов (т. е. принятие ими определенных точек зрения относительно причин ситуаций и положений дел и необходимых путей их изучения), которыми они руководствуются в осмыслении определенных событий. Следует согласиться с существующими указаниями на то, что следование таким убеждениям могут несколько трансформировать архитектуру рассуждений (в пользу выводов о целях событий и ситуаций) и приводить к изменениям содержания фоновых знаний относительно конкретных событий [19, с. 5]. Однако сами операции мышления при этом сохраняют рутинный характер. Разделяя точку зрения о том, что фундаментальной основой различных систем конспирологических положений являются именно характерные убеждения, которыми, собственно, и определяется их «конспирологичность» (при этом убеждение в существовании заговора следует рассматривать скорее как частный случай убеждения в том, что целенаправленное действие неких сил детерминирует социальные события или явления), мы не считаем необходимым рассматривать такие убеждения как иррациональные и необоснованные *во всех* случаях.

Этим мы отличаем предложенный нами способ их понимания от развитого Дж. Наполитано [15] и подвергнутого критике Дуэтц [8]. Дискуссиям о способе понимания «явлений конспирологического спектра», протекающим между универсалистами и партикуляристами, посвящен нижеследующий раздел.

Оппозиция «универсализм-партикуляризм»: основное содержание

Наиболее общий момент расхождения универсалистских и партикуляристских концепций конспирологического становится ясным уже исходя из их наименования: если универсалисты делают теоретические заключения относительно класса систем конспирологических положений, то партикуляристы считают, что обоснованным и последовательным путем это можно делать только применительно к конкретным системам. Партикуляристская концепция исследовательской работы с системами конспирологических положений впервые манифестирована М. Дентифом: он придерживается точки зрения, согласно которой объяснительные достоинства и провалы отдельных систем положений – единственный объект последовательного рассмотрения и оценивания [7, с. 1]. Универсалистская концепция, судя по всему, является гораздо более ранней. Ее можно даже рассмотреть в качестве исходного пункта формирования отношения к системам конспирологических положений, если обращаться к наиболее ранним ситуациям их рассмотрения. Так, в уже упомянутом примере обсуждения Поппером «заговорщицких теорий общества» критике подвергается именно класс систем положений, а не отдельные его элементы.

В основе универсалистского анализа систем конспирологических положений лежит представление о маловероятности конспирологических объяснений событий и дисподверждаемости конспирологических гипотез. Партикуляристы демонстрируют, что характер окружающей нас социальной и политической действительности таков, что мы не можем обоснованно распространить такое представление на все конспирологические объяснения и гипотезы. Дентиф солидаризуется с Л. Бэшем в том, что сами по себе человеческие существа в силу их высоких коммуникативных способностей и навыков социального ориентирования способны на формирование тайных соглашений различного уровня, и это обстоятельство нельзя списывать со счетов [7, с. 2]. Партикулярист занимает плюралистическую позицию относительно объяснений социальных событий, требуя рассматривать конспирологические объяснения как конкурентные наряду с «общепризнанными», «стандартными» и «официальными».

Дэнтиф отмечает, что существование «информационных иерархий», т. е. уровней распространения информации, на которых присутствуют различные ограничения доступности, трудно подвергать сомнению: в современном обществе наличие таких иерархий является естественным для государственных ведомств, корпораций, различных масштабных социальных институтов [7, с. 2]. Само существование информационных иерархий в социальной среде приводит к существованию ряда ситуативных эпистемологических и этических рисков, связанных с доверием определенным сведениям. В связи с этим, Дэнтиф полагает, что нетерпимость общества к конспирологии имеет скорее негативный характер: не критическое отвержение предположений, основанных на возможности заговора, создает почву для умножения числа таковых заговоров в действительности, т. к. снижается заинтересованность в их выявлении, в т. ч. со стороны компетентных и уполномоченных на это лиц [7, с. 5]. Направления партикуляристской критики универсализма могут быть обобщены в виде двух направлений: выявление реальных ситуаций существования скрытых соглашений, договоренностей и / или действующих сил (фактологическая критика) и указание на ситуативную рациональность конспирологических объяснений либо убеждений (эпистемологическая критика).

Усилия сторонников универсализма в большинстве случаев сосредоточены на выявлении оснований иррациональности принятия конспирологических объяснений и систем конспирологических положений. Результатом этих усилий становятся как обобщенные указания на системные проблемы образований, называемых конспирологическими теориями (так, К. Кассам отмечает их неправдоподобность на уровне самого замысла [6, с. 7]), так и достаточно утонченная эпистемологическая аргументация существования возможности недоверия конспирологическим объяснениям (например, показательны рассуждения К. Харриса о пессимистической метандукции конспирологических теорий [13, с. 14–19]).

В отличие от партикуляристов, универсалисты стремятся отразить эпистемические характеристики конспирологических объяснений и теорий в их определениях (и ответная критика партикуляристов, как правило, сосредотачивается именно на содержании этих определений). Определением Наполитано устанавливается, что для конспирологических теорий характерно отклонение любых получаемых в нормальных условиях свидетельств, опровергающих существования заговора, на основании убеждения в его существовании. А определение, данное Харрисом, фиксирует противопоставленность конспирологических положений тем позициям, которые исходят

от эпистемических авторитетов (при этом Харрис делает акцент на социальных основаниях авторитета, а не факторе эпистемической надежности [13, с. 7]). Партикуляристами, в свою очередь, отстаивается необходимость использования «минимальных» определений, которые не являются ни эпистемически, ни социально дискриминирующими: Дуэцц воспроизводит определение Дэнтифа, согласно которому конспирологическая теория – это любое объяснение, выделяющее существование заговора в качестве наиболее значимой причины [9, с. 440]. Это разногласие касается не только теоретических претензий, выраженных в определениях, но и социально-практических следствий принятия того или иного взгляда на ключевые характеристики конспирологических теорий и убеждений.

Существуют и некоторые другие концептуальные и методологические пункты расхождения между партикуляризмом и универсализмом: например, различается отношение их представителей к привлечению и интерпретации данных научных исследований (психологических, социологических, правовых) о влиянии или распространении конспирологических убеждений. Наибольший интерес, вероятно, вызывают психологические и медицинские исследования, непосредственно связывающие или как-либо соотносящие проявление склонности к таким убеждениям с определенными когнитивно-психологическими особенностями [18] или даже проблемами ментального здоровья [11]. В настоящем рассмотрении мы не имеем возможности детально оценить состоятельность аргументации сторон, привлекающей данные эмпирических исследований и теоретические заключения. Ограничимся указанием на то, что ни одна из сторон дискуссии в настоящее время не обрела убедительных и неопровержимых аргументов своей позиции посредством апелляции к научным результатам.

Заключение

Основываясь даже на кратком рассмотрении основных положений дискуссии, протекающей между универсализмом и партикуляризмом, можно обратить внимание на некоторые детали, касающиеся самого взаимоотношения данных позиций. Во-первых, становится очевидно, что противопоставление универсализма и партикуляризма не является абсолютным: эти позиции не исключают друг друга даже в тех пунктах, где их сторонникам это исключение предполагается желательным. Достаточно убедительный пример этого можно получить, если отделить вопрос об обоснованности конспирологического убеждения от вопроса о правдоподобии таких объяснений и состоятельности систем положений, называемых конспирологиче-

скими теориями. Этот момент также подчеркивается и Харрисом, отмечающим, что отрицание рациональности некоторых конспирологических убеждений (рассматривать которые нужно, конечно же, учитывая фоновые знания агента) для универсалиста не является целесообразным [13, с. 10–11]. В сущности, оценка аргументации и доказательности теорий и исследование обоснованности убеждений представляют собой различные задачи.

Во-вторых, тезис Дентифа о необходимости ограничения исследовательской активности анализом конкретных конспирологических убеждений / систем положений в определенном смысле нарушается самим Дентифом: минималистское определение такой теории предполагает выделение класса систем положений. Помимо этого, стоит отметить, что если исследовательское внимание акцентируется именно на характеристиках конспирологических теорий как систем положений, то постановки вопроса об основаниях и возможностях их классификации и обобщенной оценки избежать не представляется возможным.

В-третьих, действительная ситуация взаимоотношения данных теоретических позиций является значительно более сложной, нежели это представляется ими самими. Возможно, следует согласиться с предложением Харриса, касающимся качественного ранжирования конкретных примеров партикуляризма на «слабые» и «сильные» [13, р. 13–14] и распространить его действие также на универсалистские подходы. Более того, чистых форм универсализма и партикуляризма не существует [5, с. 23–25]: между условно

выделяемыми «эталоном» этих позиций существует скорее спектр возможных вариантов, чем жесткий водораздел.

Если же говорить о перспективах развития философских исследований конспирологических теорий, то кажется целесообразным указать на то обстоятельство, что оба условно выделяемых направления сталкиваются с задачами развития и оценки «теоретической» аналогии в обсуждении систем таких положений. Детального обсуждения требуют вопросы о том, какую роль играют научные формы познания в конспирологических контекстах, какова динамика и механизмы изменения систем таких убеждений, существует ли специфическая рациональность конспирологических представлений и если да, то характерна ли для нее определенная нормативность. Открытыми остаются и социально-эпистемологические вопросы о соотношении таких форм объяснения социальной действительности с социальными интересами определенных групп и личностными стратегиями адаптации к изменяющимся условиям современных обществ. Немалое значение имеет и оценка деструктивного потенциала конспирологических убеждений, осмысление их связи с экстремистскими моделями социального поведения. Обсуждение каждого из этих вопросов предполагает взаимное дополнение партикуляристского стремления к анализу конкретных путей реализации конспирологического знания и универсалистской установки на выработку общих способов оценки и рассмотрения таких положений и их систем.

Литература

1. Казун А. Д., Поршнева А. В. Кто верит в теории заговора? Факторы склонности к конспирологическому мышлению в России, Казахстане и Украине // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 6 (166). – С. 549–565. – <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1889>. – EDN: TKVVZS.
2. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. / Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 528 с.
3. Поспелов Д. А., Пушкин В. Н. Мышление и автоматы. – М.: «Советское радио», 1972. – 224 с.
4. Спиридонов В. Ф. Конспирологическая картина мира, или как устроена теория заговора: монография. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – 28 с. – EDN: VUUBOY.
5. Boudry M., Napolitano G. M. (2023) Why We Should Stop Talking about Generalism and Particularism: Moving the Debate on Conspiracy Theories Forward, *Social Epistemology Review and Reply Collective*. – Vol. 12. No. 9. – P. 22–26. (In Eng.).
6. Cassam Q. (2019) *Conspiracy Theories*. Cambridge: Polity Press, 140 p. (In Eng.).
7. Dentith M. R. X. (2016) Treating Conspiracy Theories Seriously: A Reply to Basham on Dentith, *Social Epistemology Review and Reply Collective*. – Vol. 5. No. 9. – P. 1–5. (In Eng.).
8. Duetz J. C. M. (2022) Conspiracy Theories are Not Beliefs, *Erkenntnis*. – Online First. – P. 1–15. – <https://doi.org/10.1007/s10670-022-00620-z> (In Eng.).
9. Duetz J. C. M. (2023) What Does It Mean for a Conspiracy Theory to Be a «Theory»?., *Social Epistemology*. – Vol. 37. No. 4. – P. 438–453. – <https://doi.org/10.1080/02691728.2023.2172697> (In Eng.).

10. George F. (1970) *Models of Thinking*. – London: George Allen and Unwin LTD, 166 p. (In Eng.).
11. Greenburgh A., Raihani N. J. (2022) Paranoia and Conspiracy Thinking, *Current Opinion in Psychology*. – Vol. 47. – P. 1–5. – <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2022.101362> (In Eng.).
12. Harre R. (1985) *The Philosophies of Science*. – Oxford: Oxford University Press, 203 p.
13. Harris K. R. (2022) Some Problems with Particularism, *Synthese*. – Vol. 200. No. 6. – P. 1–16. – <https://doi.org/10.1007/s11229-022-03948-9> (In Eng.).
14. Imhoff R., Bruder M. (2014) Speaking (Un-)Truth to Power: Conspiracy Mentality as a Generalised Political Attitude, *European Journal of Personality*. – Vol. 28, No. 1. – P. 25–43. – <https://doi.org/10.1002/per.1930> (In Eng.).
15. Napolitano M. G. (2021) Conspiracy Theories and Evidential Self-Insulation, *The Epistemology of Fake News*. Ed. by Bernecker S., Flowerree A., Grundmann T. – Oxford: Oxford University Press, pp. 82–105. (In Eng.).
16. Peels R. (2023) Vice Explanations of Conspiracism, Fundamentalism and Extremism, *Review of Philosophy and Psychology*. – P. 1–23. – <https://doi.org/10.1007/s13164-023-00685-x> (In Eng.).
17. Sullivan D., Landau M. J., Rothschild Z. K. (2010) An Existential Function of Enemyship: Evidence That People Attribute Influence to Personal and Political Enemies to Compensate for Threats to Control, *Journal of Personality and Social Psychology*. – Vol. 98. No. 3. – P. 434–449. – <https://doi.org/10.1037/a0017457> (In Eng.).
18. Van Prooijen J. W., et al. (2022) Populist Gullibility: Conspiracy Theories, News Credibility, Bullshit Receptivity, and Paranormal Belief, *Political Psychology*. – Vol. 43. No. 6. – P. 1061–1079. – <https://doi.org/10.1111/pops.12802> (In Eng.).
19. Zwaan R. A. (2022) Conspiracy Thinking as Situation Model Construction, *Current Opinion in Psychology*. – Vol. 47. – P. 1–5. – <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2022.101413> (In Eng.).

References

1. Kazun, A. D., Porshnev, A. V. (2021) [Who believes in conspiracy theories? Factors of propensity to conspiracy thinking in Russia, Kazakhstan and Ukraine]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes]. Vol. 6 (166), pp. 549–565. – <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1889>. – EDN: TKVVZS. (In Russ.).
2. Popper, K. R. (1992) *Otkrytoye obshchestvo i yego vragi. T. 2: Vremya lzheprorokov: Gegel', Marks i drugiye orakuly* [Open Society and Its Enemies. T. 2: Time of false prophets: Hegel, Marx and other oracles]. M.: Phoenix, International Foundation «Cultural Initiative», 528 p. (In Russ., trans. from Eng.).
3. Pospelov, D. A., Pushkin, V. N. (1972) *Myshleniye i avtomaty* [Thinking and automata]. M.: «Soviet Radio», 224 p.
4. Spiridonov, V. F. (2019) *Konspiologicheskaya kartina mira, ili kak ustroyena teoriya zagovora* [Conspiracy picture of the world, or how conspiracy theory works]. M.: Publishing house «Business» RANEPА, 28 p. – EDN: VUUBOY.
5. Boudry, M., Napolitano, G. M. (2023) Why We Should Stop Talking about Generalism and Particularism: Moving the Debate on Conspiracy Theories Forward, *Social Epistemology Review and Reply Collective*. – Vol. 12. No. 9, pp. 22–26. (In Eng.).
6. Cassam, Q. (2019) *Conspiracy Theories*. Cambridge: Polity Press, 140 p. (In Eng.).
7. Dentith, M. R. X. (2016) Treating Conspiracy Theories Seriously: A Reply to Basham on Dentith, *Social Epistemology Review and Reply Collective*. Vol. 5. No. 9, pp. 1–5. (In Eng.).
8. Duetz, J. C. M. (2022) Conspiracy Theories are Not Beliefs, *Erkenntnis*. – Online First, pp. 1–15. – <https://doi.org/10.1007/s10670-022-00620-z>. (In Eng.).
9. Duetz, J. C. M. (2023) What Does It Mean for a Conspiracy Theory to Be a «Theory»? , *Social Epistemology*. Vol. 37. No. 4, pp. 438–453. – <https://doi.org/10.1080/02691728.2023.2172697>. (In Eng.).
10. George, F. (1970) *Models of Thinking*. – London: George Allen and Unwin LTD, 166 p. (In Eng.).
11. Greenburgh, A., Raihani, N. J. (2022) Paranoia and Conspiracy Thinking, *Current Opinion in Psychology*. Vol. 47, pp. 1–5. – <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2022.101362>. (In Eng.).
12. Harre, R. (1985) *The Philosophies of Science*. Oxford: Oxford University Press, 203 p.
13. Harris, K. R. (2022) Some Problems with Particularism, *Synthese*. Vol. 200. No. 6, pp. 1–16. – <https://doi.org/10.1007/s11229-022-03948-9>. (In Eng.).
14. Imhoff, R., Bruder, M. (2014) Speaking (Un-)Truth to Power: Conspiracy Mentality as a Generalised Political Attitude, *European Journal of Personality*. Vol. 28. No. 1, pp. 25–43. – <https://doi.org/10.1002/per.1930>. (In Eng.).
15. Napolitano, M. G. (2021) Conspiracy Theories and Evidential Self-Insulation, *The Epistemology of Fake*

News. Ed. by Bernecker S., Flowerree A., Grundmann T. Oxford: Oxford University Press, pp. 82–105. (In Eng.).

16. Peels, R. (2023) Vice Explanations of Conspiracism, Fundamentalism and Extremism, *Review of Philosophy and Psychology*, pp. 1–23. – <https://doi.org/10.1007/s13164-023-00685-x>. (In Eng.).

17. Sullivan, D., Landau, M. J., Rothschild, Z. K. (2010) An Existential Function of Enemyship: Evidence That People Attribute Influence to Personal and Political Enemies to Compensate for Threats to Control, *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 98. No. 3, pp. 434–449. – <https://doi.org/10.1037/a0017457>. (In Eng.).

18. Van Prooijen, J. W., et al. (2022) Populist Gullibility: Conspiracy Theories, News Credibility, Bullshit Receptivity, and Paranormal Belief, *Political Psychology*. Vol. 43. No. 6, pp. 1061–1079. – <https://doi.org/10.1111/pops.12802>. (In Eng.).

19. Zwaan, R. A. (2022) Conspiracy Thinking as Situation Model Construction, *Current Opinion in Psychology*. Vol. 47, pp. 1–5. – <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2022.101413>. (In Eng.).

Информация об авторах:

Александр Витальевич Думов, магистрант, направление подготовки 47.04.01 Философия, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0002-4644-0293

e-mail: avdumov@inbox.ru

Вячеслав Иванович Кудашов, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого, Красноярск, Россия

ORCID ID: 0000-0001-7009-8179

e-mail: vkudashov@mail.ru

Вклад соавторов:

Думов А. В. – 50%,

Кудашов В. И. – 50%.

Статья поступила в редакцию: 09.02.2024; принята в печать: 23.05.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Alexander Vitalievich Dumov, postgraduate student, training program 47.04.01 Philosophy, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0002-4644-0293

e-mail: avdumov@inbox.ru

Vyacheslav Ivanovich Kudashov, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Prof. V.F. Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Krasnoyarsk, Russia

ORCID ID: 0000-0001-7009-8179

e-mail: vkudashov@mail.ru

Contribution of the authors:

Dumov A.V. – 50%,

Kudashov V. I. – 50%.

The paper was submitted: 09.02.2024.

Accepted for publication: 23.05.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.